

Пироманашвили Нико

4.05.2000

25 лет тому назад
в Париже умер
Илья Зданевич —
поэт-заумник,
теоретик авангарда,
после отъезда из России
печатавшийся
во Франции под
псевдонимом «Ильезд»,
один из создателей
«Livre de peinture»
XX века.

Более восьмидесяти лет назад в разделе художественной хроники тифлисской газеты «Республика» (1918, 28 марта) было напечатано короткое сообщение: «В сгоревших рядах на Солдатском базаре, в одном из магазинов в верхнем этаже, в чайной, погибло несколько картин Нико Пироманашвили. Художник приобретает все большую известность, в то время как его картины гибнут». Буквально в эти же дни умирал и сам художник — его похоронили как бездомного в общей могиле, в каком-то углу Кукийского кладбища св. Нины. Так одновременно погибли и картины, и сам художник.

В 1918 г., при меньшевиках, культурная жизнь Тифлиса была достаточно пестрой, и вряд ли кто-нибудь обратил тогда внимание на это сообщение, а о смерти художника литературно-художественная общественность узнала лишь год спустя — об этом упомянул Кирилл Зданевич в своей первой статье о Пиромани, напечатанной в газете «Новый день» (1919, 9 июня). Как теперь установлено, если безымянная запись в болничной книге действительно относится к Пироманашвили, художник-самоучка умер 7 апреля 1918 года.

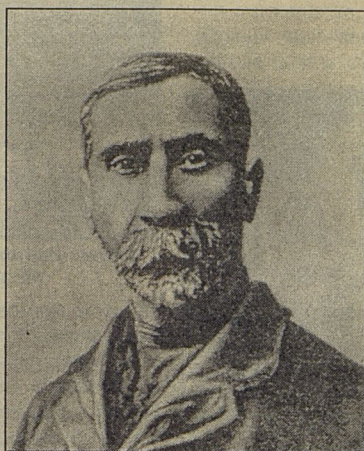
Сообщение в «Республике» было напечатано, вероятно, не случайно. Одним из редакторов газеты был общественный деятель, журналист и меценат Александр Иванович (Сандро) Канчели (1875-1948), он лично знал самодеятельного художника и впоследствии стал собирать его работы. С «маляром Нико» его познакомил 19-летний поэт-футурист Илья Зданевич (1894-1975). Об этом знакомстве поэт упоминает в дневниковых записях, которые на рус-

Русская мысль.
Париж - 2000.
4 мая - с 13.

Александр Парнис

«Теперь я знаю, что такое жизнь...»

Илья Зданевич — первый биограф Пироманашвили

Нико Пироманашвили. 1916.

ском языке здесь публикуются впервые в авторской редакции (в других публикациях этого дневника фраза о Канчели была почему-то купирована), и в своих воспоминаниях о встречах с художником в 1913 г., напечатанных сравнительно недавно французским исследователем Режиом Гейро.

Живопись Пироманашвили «открыли» весной 1912 г. три футуриста, которые стали и первыми собирателями его картин, — художники М.В. Ле-Дантю (1891-1917), Кирилл Зданевич (1892-1975) и его младший брат Илья.

С этого «открытия» началась известность грузинского примитивиста, вышедшая за пределы духанов, началась его «вторая жизнь», по точному определению Э.Кузнецова, автора лучшей книги о Пироманашвили (1984). Об истории «открытия» народного художника из села Мирзаани известно главным образом из статей и книг о нем К.Зданевича. В начале 90-х исследователи (А.А.Стригалева и А.С.Шатских) установили, что картины «маляра Николая» в тифлисском духане первым увидел на рубеже марта-апреля 1912 г. Ле-Дантю и вскоре приобрел несколько работ, а в письме к матери назвал его «гениальным» (лично познакомиться с Пиромани ему так и не довелось). В 1923 г. Ильезд выпустил в Париже заумную книгу «Лидантю фАрам», посвященную памяти своего друга Ле-Дантю.

Роль Ильи Зданевича как одного из первооткрывателей и первого пропагандиста и биографа Пироманашвили, включенного во все справочники и энциклопедии по наивному искусству, до сих пор остается непрясленной и несправедливо затушеванной. Это связано прежде всего с двумя причинами. Главная — советские цензурные запреты и ограничения на упоминания имен эмигрантов (например, его стихи были впервые опубликованы лишь в 1994 г. в четырехтомной антологии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой...»). Вторая причина — вольное обращение Кирилла Зданевича с фактами и документами, в т.ч. и с дневниковыми записями младшего брата о встречах с художником в 1913 году. Вслед за К.Зданевичем другие исследователи и биографы повторяли его ошибки и неточности.

Мы основывались на новых материалах из парижского архива И.Зданевича, предоставленных его вдовой Э.Дуар в 1980-е годы, а также на изучении семейной переписки Зданевичей, хранящейся в архиве Русского музея в Петербурге. Публикация была подготовлена для двухтомника о Пиромани, задуманного в середине 80-х художниками Тенгизом Мирзашвили и Аркадием Троянским как фундаментальное издание, подводившее итог всего «пиромановедения», но, к сожалению, оно не было осуществлено.

И.Зданевич неоднократно обращался к творчеству и образу Пиромани в своих статьях, неизданных записках (на русском и французском языках), а также в своих литературных произведениях. Как-то на мой вопрос в письме

к нему, не писал ли он воспоминаний, в частности о Хлебникове, Зданевич ответил, что встречал его два-три раза у больной Гончаровой и что «воспоминаний не писал, нет яда более смертельного, чем воспоминания». И все же в конце жизни он начал работать над мемуарами, которые хотел назвать «50 лет спустя (1912-1962)». 1912 год был знаменательным для И.Зданевича — как начало его активного участия в футуристическом движении, когда он стал выступать с лекциями на вечерах и диспутах футуристов, и как год «открытия» Пироманашвили. Художник и судьба его работ (в семейной коллекции в Тифлисе хранились 54 картины Пиромани) — постоянная тема переписки братьев Зданевичей. Илья ревностно следил за всем, что появлялось о Пиромани на родине, и его огорчали неточности, а также то, что его роль в открытии художника отодвигалась на задний план.

Вот один из таких примеров. В 1926 г. в Тифлисе была издана первая коллективная монография, состоящая из статей о Пиромани (на грузинском, русском и французском языках) Г.Робакидзе, Т.Табидзе, Г.Кикодзе, Н.Чернявского, Д.Какабадзе и К.М.Зданевича. Последний в своей статье впервые опубликовал фрагменты из дневника Ильи о встречах с художником в 1913 году. Статья самого Ильи, присланная в Тифлис из Парижа еще за три года до выхода этой книги (этот факт стал известен из его писем к брату), в нее не вошла — она, вероятно, была изъята цензурой. Илья Зданевич отправил возмущенное письмо в одну из тифлисских газет, но оно в печати не появилось. Цитирую его по сохранившемуся черновику:

«Мне удалось, наконец, найти в Париже экземпляр книги, посвященной художнику Пироманашвили и изданной в Тифлисе Госиздатом, и которую, хотя половина помещенных в ней иллюстраций — воспроизведения моего собрания и в книгу включены выдержки из моего дневника 1913 года, — издатели не потрудились мне прислать. Но дело не в этом. Мне представляется вовсе недопустимой подтасовка фактов, к которой прибегают некоторые из авторов, в особенности Тицян Табидзе, по вопросу об открытии и признании Пироманашвили. Разрешите поэтому указать: первой картиной Пироманашвили, «найденной» в апреле 1912 года, был «Обед мушей» (№110 каталога), приобретенный художниками М.В.Ле-Дантю и К.М.Зданевичем и висевший в ателье Ле-Дантю (Гунибская, 23), где его видели все художники Тифлисского об-ва Поощрения Изысканных Искусств и высказали единогласно самые отрицательные мнения (в противоположность мнению Ле-Дантю и моего брата). Несколько позже мы втроем наткнулись на картины Нико в духане «Варяг» на Воззальной улице (№№98-109 каталога), которые хозяин предлагал нам за 25 рублей, но мы, студенты, не могли купить, а родители или друзья не давали на это денег. Но находка картин не была находкой художника, о чем мы не могли получить сколько-нибудь точных сведений. Только зимой 1912 года, приехав из Петербурга на каникулы, я решил отыскать Пироманашвили и все его произведение и только тогда, после долгих скитаний из духана в духан в районе Авчальской улицы, наконец, «набрел» на Пироманашвили на ул. Гоголя, где художник, сильно пьяный, писал буквы для уличного фонаря. Разговориться с ним, «добраться до него» стоило больших трудов, отчасти потому, что старик (Нико было уже 50 лет) был редко трезв и относился к людям с явным предубеждением. Однако мне удалось заказать ему две вещи».

Возмущение И.Зданевича было вызвано, вероятно, небрежным обращением Т.Табидзе с фактами биографии Пиромани и его категорическим утверждением, что художнику «придется остаться без обычной биографии», повторенным им через два года в другой статье о художнике.

Такую же резкую оценку этой монографии он дает и в дарственной надписи на ней М.Ларионову, в которой откровенно называет ее «плохой книгой»: «Дорогому Михаилу Федоровичу на память о выставке «Мишень», где висел Пироманашвили, и о многих вещах, вещах, о которых умалчивают авторы этой плохой книги о замечательном живописце, в знак того, что самые большие завоевания мы, все-таки, сделали совместно. Илья Зданевич, 22 января 1927 г. Париж» (собрание А.И.Боровкова).

И еще один пример. Прошло 57 лет после «открытия» Нико Пироманашвили, и в 1969 г. в Музее декоративных искусств в Париже состоялась его первая выставка, имевшая большой успех. Хотя в первых своих статьях о Пиромани в 1913-1914 гг. И.Зданевич провидчески поставил его «в ряд великих живописцев» и назвал художником, «заслуживающим исключительной славы», он тогда, несмотря на весь футуристический задор и склонность к эпатажу, вряд ли мог предположить, что когда-нибудь в Париже состоится выставка грузинского примитивиста. Слава народного художника, «грузинского Руссо», давно перешагнула границы его родины, и писатель Арман Лану в статье, приуроченной к этой выставке, заметил, что он «принадлежит искусству всего мира, а памятником ему служит вся Грузия».

Когда в 1914 г. И.Зданевич работал над своей второй статьей о Пиромани, он сделал такую запись в рабочей тетради: «Если удастся устроить выставку его в Париже, я напишу предисловие к каталогу». Но в парижском каталоге была напечатана не его статья, а статья академика Ш.Амиранашвили, причем имя И.Зданевича, как это ни странно, даже не было упомянуто. Оскорбленный таким отношением к себе, он направил письмо-протест Луи Арагону, одному из организаторов выставки, и предпочел, хотя его и пригласили на вернисаж, прийти на выставку как обыкновенный посетитель, купив входной билет. По свидетельству его вдовы Элен Дуар, указывая на картины, он говорил: «Это была моя, и эта тоже была моя, и эта...», — и даже вспоминал, где они висели в его тифлисской квартире.

Действительно, творческая судьба русского поэта-авангардиста Ильи Зданевича тесно связана с мифопоэтической биографией и судьбой Нико Пироманашвили. Литературный дебют Зданевича — письмо-статья (в грузинском языке эти слова — синонимы) «Художник-самоучка», опубликованное в тифлисской газете «Закавказская речь» 10 февраля 1913 г. под псевдонимом «И-вич». Эта статья фактически открыла Пиромани общественности. Через месяц, в марте, по инициативе И.Зданевича и Ле-Дантю четыре принадлежавшие им работы Пироманашвили были экспонированы на московской выставке «Мишень». Через год в газете «Восток» (1914, 29 июня) Зданевич напечатал вторую статью — «Нико Пироманашвили», где в несколько эпатажной форме еще раз пытался привлечь внимание к драматической судьбе «нашего Николая» (в черновой редакции он назвал статью «манифестом»). Он, в частности, писал: «Пиромани нашел стиль своей эпохи, и только он один, ибо передать ее иначе, чем передал он, — невозможно».

Москва

Продолжение следует.